

В записях о потасовке, в которой участвовала Цзэн Янь, имя Инь Цзинлю не упоминалось, но то, что события совпали по времени, наводило на определенные мысли. Чэнь Чжэн спросил дежурного, участвовал ли парень в драке на самом деле. Тот поспешил позвонить коллеге, который проводил допрос в те годы. После долгих раздумий полицейский наконец вспомнил.

— Да, Инь Цзинлю там был, но его статус был иным: он пришел разнимать дерущихся. Ни он сам, ни его семья не хотели, чтобы его имя фигурировало в подобных протоколах, поэтому мы не стали его записывать.

Та драка произошла в переулке прямо за лапшичной Иня. Обе стороны принесли с собой стальную арматуру и ножи. Десять лет назад атмосфера во второй школе была куда хуже, чем сейчас, и окрестные торговцы обычно закрывали на всё глаза, не желая навлекать на себя беду.

Инь Цзинлю учился в выпускном классе, его оценки были стабильными — он без труда мог поступить в ведущий университет столицы провинции. Если бы он поднажал, то прошел бы и в более престижные вузы других регионов. Но он был почтительным сыном, не хотел уезжать далеко от родителей и не желал обременять их расходами — жизнь в другом регионе стоила дороже. Поэтому в то время, когда большинство учеников изнывали от подготовки к экзаменам, он вел себя довольно спокойно и расслабленно.

В день драки он пораньше вышел из школы, планируя зайти в книжный магазин в центре города за сборниками тестов. Проходя мимо переулка, он увидел, что ребята в форме второй школы бьются с какими-то залетными. Кровь ударила ему в голову, и он бросился в гущу событий, пытаясь разнять парней. Но хулиганы — не те люди, что слушают доводы разума. Разнять никого не удалось, зато сам он получил несколько ударов кулаками.

К счастью, еще до того, как он успел по-настоящему ввязаться в бойню, кто-то из учителей вызвал полицию. Когда приехал наряд, парень еще не успел пострадать от холодного оружия.

Хулиганов доставили в участок, и Инь Цзинлю, как участник событий, тоже оказался там. Он охотно отвечал на вопросы, но вскоре прибежали Инь Гаоцян и классный руководитель. Они были вне себя от гнева, без конца повторяя, что Инь Цзинлю — лучший ученик школы, у него на носу экзамены, и он никак не мог участвовать в побоище.

Их позиция была ясна: полиция может делать с хулиганами что угодно, но имя Инь Цзинлю в деле фигурировать не должно. Неважно, разнимал он их или нет — для посторонних это выглядело бы так, будто отличник связался с дурной компанией, а это могло погубить его репутацию.

Полицейские знали обстановку во второй школе и понимали, что такой ученик, как Инь Цзинлю, — большая редкость. К тому же сам он серьезно не пострадал и никого не покалечил. В итоге дело замяли.

Выслушав это, Чэнь Чжэн тут же указал на слова Инь Гаоцяна, сказанные после исчезновения сына:

— А что тогда означают слова о том, что Инь Цзинлю «чувствовал себя неважно» после драки?

— Это... — полицейский замялся. — Мы не знаем. Перед тем как классная руководительница забрала его, я несколько раз уточнял, не болит ли у него что-нибудь и не нужно ли в больницу. Он ответил, что всё в порядке.

Зацепок в участке Хэлэ было немного. Когда Чэнь Чжэн вернулся к лапшичной, уже стемнело. Ученики разошлись по классам на вечерние занятия, и торговля на сегодня практически закончилась.

Помощник уже ушел, в заведении оставался только Инь Гаоцян. Он убирался, но завидев Чэнь Чжэна, поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, которое тут же сменилось мягкой улыбкой:

— Ты сегодня уже в третий раз здесь.

Чэнь Чжэн помог ему составить табуреты:

— Дядя Инь, я пришел из-за Инь Цзинлю.

Руки старика замерли. Он с трудом выпрямил спину, глядя на гостя со смесью ужаса и надежды. Его губы дрожали; он хотел заговорить, но боялся произнести хоть слово — словно страшился услышать окончательный ответ.

Чэнь Чжэн показал ему удостоверение:

— У меня нет новостей о его местонахождении, но другое дело, которое я веду, может быть связано с ним и... с его исчезновением.

Услышав фразу «новостей нет», Инь Гаоцян поник плечами — то ли с облегчением, то ли с разочарованием. Он кивнул:

— Что это за дело?

— Вы помните Цзэн Янь? — спросил Чэнь Чжэн.

Старик нахмурился, вспоминая:

— Нет, не припомню. А кто это?

Его реакция была абсолютно естественной. Он действительно не помнил этого имени. Это означало, что в деле об исчезновении сына он никогда не подозревал Цзэн Янь, и даже если Инь Цзинлю было плохо после драки, он не упоминал её имени.

— А ту драку в выпускном классе, в которую попал ваш сын, помните? — Чэнь Чжэн достал фото Сяо Янь из личного дела. — Она была одной из участниц.

Брови Инь Гаоцяна дрогнули, он заволновался:

— Да, тот случай... Сяо Лю пошел их разнимать. Эту девочку я... кажется, видел. Люди сегодня говорили, что какую-то девушку убили — это она?

— Да. Утром я был в школе, чтобы разузнать о её прошлом.

Чэнь Чжэн вкратце объяснил, как расследование смерти Цзэн Янь вывело его на исчезновение Инь Цзинлю и ту драку. Старик медленно переваривал информацию. На его лице не было гнева — лишь тихая печаль о еще одной загубленной жизни.

— Я заметил одну деталь, — сказал Чэнь Чжэн. — После исчезновения сына вы упоминали в полиции, что после той драки он чувствовал себя неважно. Как именно это проявлялось?

Инь Гаоцянь на мгновение задумался. Прошло слишком много времени, и эта деталь почти стерлась из его памяти.

— Кажется, было такое. Сяо Лю не был ранен, полиция его осматривала. Но на следующее утро, когда я позвал его завтракать, он сказал, что ему нехорошо. Он был прилежным мальчиком, никогда не валялся в постели до поздна. Я спросил, не болит ли чего, предложил поехать в больницу, но он отказался. Сказал, просто еще немного поспит и всё пройдет.

Сердце Чэнь Чжэна забилось чаще. Он почувствовал, что нащупал ключ:

— И что было потом?

Инь Гаоцянь покачал головой:

— Мы с матерью не придали этому значения. Утром в лапшичной было много работы, нам было не до того. Вечером, когда он вернулся из школы, я снова спросил его о самочувствии, и он ответил, что всё уже прошло.

Чэнь Чжэн замолчал. Старик робко спросил:

— Офицер Чэнь, неужели вы что-то обнаружили? Мой сын... мой сын как-то связан с этой Цзэн Янь? Она мертва, значит и мой сын...

— Не накручивайте себя, — тут же успокоил его Чэнь Чжэн. — Мы всё еще выясняем причины смерти Цзэн Янь. Кстати, я хотел спросить еще об одном.

Инь Гаоцянь сцепил пальцы, стараясь унять дрожь в голосе:

— Спрашивайте, я расскажу всё, что знаю!

— Когда Инь Цзинлю поступил в университет, вы заметили в нем какие-то перемены?

Старик долго молчал, его лицо исказилось от горя:

— Нет... он проучился всего один семестр. Приезжал на праздники в октябре, потом на зимние каникулы. И вот так... просто исчез!

— А после его исчезновения вы ездили в Лочэн к его однокурсникам? Я имею в виду, пытались ли вы узнать, как он жил в университете?

Инь Гаоцянь вытер слезы и кивнул:

— Ездили. Его мать была там несколько раз. Лочэнский университет — хорошее место, мы общались с его учителями и друзьями, все они прекрасные люди. Полиция тоже их опрашивала. Оказалось, перед исчезновением Сяо Лю ни с кем из них не связывался.

— Значит, вы видели отчеты полиции? — Чэнь Чжэн решил расставить акценты максимально четко. — В глазах однокурсников он был замкнутым, даже нелюдимым. Это совсем не похоже на то, каким он был в школе. Вы не думали, в чем причина?

— Я... — Инь Гаоцянь был простым пожилым человеком, его ум не был так остер, как у

следователя. Даже когда Чэнь Чжэн подвел его к самому выводу, он не сразу сообразил. Спустя пару минут он растерянно произнес: — Может, первый раз уехал из дома и не привык? Он всегда был домашним ребенком, вырос у нас под боком, до школы было всего пару минут ходьбы...

«Нет, причина не в этом», — Чэнь Чжэн уже сделал свой вывод. В определенный момент с Инь Цзинлю что-то случилось, что в корне изменило его характер. Это произошло еще до университета. Однокурсники не знали его прежним, поэтому легко приняли его нелюдимость за норму. Возможно, он умел притворяться или просто проводил дома слишком мало времени, оставаясь для родителей прежним жизнерадостным Сяо Лю. Но что послужило причиной этого надлома? И когда именно это случилось?

Инь Гаоцянь закончил уборку и собирался закрывать заведение. Чэнь Чжэн еще раз взглянул на плакат: мальчик на фото улыбался уверенно и лучезарно. Глядя на него, трудно было поверить, что в университете это был совсем другой человек.

— Дядя Инь, а вы где живете? — спросил Чэнь Чжэн.

Старик указал на старые дома в свете фонарей:

— После смерти жены живу один. Офицер Чэнь, спасибо, что всё еще помните о моем ребенке. Я человек глупый, простой, многого не замечал. Если хотите, зайдите к нам. Комнату Сяо Лю я не трогаю, жду, когда он вернется...

Инь Гаоцянь всхлипнул. Стоя спиной к свету, он казался еще более дряхлым. Его жена не дождалась сына. А он? Увидит ли он его когда-нибудь? Существует ли вообще этот день — день его возвращения?

Старые городские постройки были на одно лицо: неровный бетонный пол у подъездов, теснота и липкий запах плесени — почти как в доме Цзэн Янь. Квартира Инь Гаоцяня была на шестом этаже. Подъем давался ему с трудом, он останавливался передохнуть на каждом пролете. Чэнь Чжэн молча шел следом, рассматривая облезлые стены во время этих пауз.

В квартире были старые выключатели на шнурках. Тусклый свет озарил обстановку: типовая двухкомнатная квартира. Инь Гаоцянь не отличался талантом к домашнему хозяйству — в гостиной и его спальне царил беспорядок. Но комната Инь Цзинлю была безупречно чистой. На письменном столе стояла лампа с мягким, но ярким светом.

Старик с грустной улыбкой пояснил, что пока жена была жива, она всё держала в идеальном порядке. Сам он так и не научился убираться «как надо», да и зачем одному — и так сойдет. Но комнату сына он прибирал с особой тщательностью: вдруг тот вернется и засмеет неряху-отца. В прошлом году во время уборки он случайно разбил настольную лампу. Инь Гаоцянь страшно расстроился — ведь сын пользовался ею каждый вечер в школе. Починить не удалось, пришлось купить новую.

Под бормотание старика Чэнь Чжэн осматривал комнату. Увлечения Инь Цзинлю были видны невооруженным глазом: он любил футбол и баскетбол. На стенах висело семь-восемь плакатов со звездами спорта десятилетней давности. Среди них затесался один неприметный — с изображением самолета.

На книжной полке среди учебников стояла маленькая модель самолета. Чэнь Чжэн быстро

просмотрел книги: пособия, немного классики и стопка толстых авиационных журналов. Он вытащил один из них — тот самый плакат со стены был вложен в журнал в качестве подарка.

— Дядя Инь, ваш сын хотел стать пилотом?

Старик вынырнул из воспоминаний не сразу:

— А... да. Он обожал самолеты, всякие разные. Говорил даже, что хочет выучиться на летчика.

Чэнь Чжэн помнил точно: в университете Инь Цзинлю учился на лечебном деле. В Лочэньском университете не было авиационных факультетов.

— С такими-то оценками — и в пилоты? — На лице Инь Гаоцяна невольно проступила гордость, но он тут же пояснил: — Я не то чтобы против летчиков. Просто мы с его матерью обычные люди. Мы считали, что ребенку из простой семьи нужна надежная дорога. С его умом в медицине было бы лучше — это и деньги, и если у нас со здоровьем что не так, он бы в больнице подсобил. А пилоты... это для богатых. Там не столько ум нужен, сколько деньги на обучение.

Чэнь Чжэн понимал логику старика, но, помня о роковом «надломе» в характере парня, спросил:

— А он сам хотел быть врачом? Судя по полкам, в душе он всё еще мечтал об авиации?

Инь Гаоцянь вздохнул:

— Еще как хотел! Мы из-за этого даже ссорились. Он был послушным мальчиком, и это был единственный раз, когда мы по-настоящему ругались.

Чэнь Чжэн присел, листая авиационный журнал, и стал слушать рассказ старика.

Инь Цзинлю твердил о небе еще со средней школы, но родители не воспринимали это всерьез: мало ли кто в детстве мечтает стать космонавтом. Но в одиннадцатом классе он принес домой рекламный буклет Лочэньского аэрокосмического университета. Супруги испугались не на шутку и начали наперебой отговаривать его. Но он был тверд: баллов хватало с избытком, здоровье позволяло, особенно зрение — оно было идеальным. Он убеждал их, что в авиационном вузе станет лучшим и будет получать огромную стипендию.

Но Инь Гаоцянь и слушать не хотел. Он настаивал на «денежной» профессии — медицине или финансах. Они сильно поссорились, и отец в гневе сорвал таблицу для проверки зрения, которую сын повесил на стену.

Вскоре Инь Цзинлю повесил таблицу обратно. Он перестал спорить с родителями, но продолжал покупать журналы и изучать буклеты. Для Инь Гаоцяня это стало головной болью. В двенадцатом классе он даже пошел к классному руководителю, чтобы тот помог вразумить парня. Учитель, разумеется, тоже хотел, чтобы лучший ученик поступал в престижный Лочэньский университет на медицину — проходной балл там был выше, чем в авиационном.

Инь Цзинлю слушал всех, но не сдавался.

И вот, к огромной радости отца, на китайский Новый год в выпускном классе Инь Цзинлю вдруг объявил: он всё обдумал и решил поступать на лечебное дело.

Чэнь Чжэн прервал его:

— В тот момент что-то произошло?

Старик растерялся:

— Да нет... Просто повзрослел, за ум взялся. 20 января у него был день рождения, исполнилось восемнадцать. Понял, видимо, чаяния родителей и учителей, начал думать о будущем.

Чэнь Чжэн мысленно покачал головой. «Нет, не так».

Когда люди не понимают, почему ребенок изменился, они списывают это на «взросление», не желая искать истинный корень. Инь Цзинлю так страстно желал летать — почему же после восемнадцатилетия он внезапно сдался?

Чэнь Чжэн поднял взгляд на стену:

— Вы сказали, что после ссоры он снова повесил таблицу для зрения. Почему её сейчас нет?

— Он сам её сорвал, — ответил Инь Гаоцянь.

— Сам?

— Ага. Сказал, что раз решил идти в медицину, то она ему больше не нужна. Мол, доказывает нам свою решимость.

В голове Чэнь Чжэна закружились детали: 14 ноября парень втянут в драку с Цзэн Янь и Фэн Фэном; затем жалобы на плохое самочувствие; на Новый год — отказ от мечты всей жизни; в университете — полная смена характера и, наконец, исчезновение зимой в Чжуцюане...

Видя, что Чэнь Чжэн молчит и становится всё мрачнее, Инь Гаоцянь испугался. Даже до самого медлительного человека в этот миг дошел смысл происходящего.

— Офицер Чэнь... неужели это мы погубили Сяо Лю? Он ведь не хотел в медицину, сделал это ради нас... Вы говорите, он изменился в университете — может, он просто не вынес этой учебы? И исчез, потому что не хотел нас больше видеть? Он возненавидел нас и просто ушел?

<http://bllate.org/book/17170/1608241>